

н а т а л ь я
г о р б а н е в с к а я

РУССКИЙ	ГУЛЛИВЕР
---------	----------

ПРИЛЫПЕ ЗЕМЛИ ДУША МОЯ

Наталья Евгеньевна Горбаневская

Прильпе земли душа моя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051045

Прильпе земли душа моя Стихи (1956-2010):

ISBN 978-5-91627-070-9

Аннотация

С тех пор, как автор стихов вышел на демонстрацию против вторжения советских войск в Чехословакию, противопоставив свою совесть титанической громаде тоталитарной системы, утверждая ценности, большие, чем собственная жизнь, ее поэзия приобрела особый статус. Каждая строка поэта обеспечена «золотым запасом» неповторимой судьбы. В своей новой книге, объединившей лучшее из написанного в период с 1956 по 2010-й гг., Наталья Горбаневская, лауреат «Русской Премии» по итогам 2010 года, демонстрирует блестящие образцы русской духовной лирики, ориентированной на два течения времени – земное, повседневное, и большое – небесное, движущееся по вечным законам правды и любви и переходящее в Вечность.

Содержание

«Огонь в печи почти погас...»	8
«Колокола и купола...»	9
«Свело мне руки водою ледяной...»	10
«Смиренно опущу глаза...»	11
«О жизнь моя, междометие...»	13
«От возраста дошкольного...»	14
«Сверчок поет в Сочельник...»	15
«Не сокруши меня Ты, Господи...»	16
«Горсточку воды...»	17
«Что навсегда? Что значит навсегда...»	20
«Опять собирается вещей Олег...»	21
«А завтра здесь не сыщешь и следа...»	22
«Возьми разбег и с полдороги...»	23
«Приснись под утро лестничка...»	24
«Когда, коснувшись утренней звезды...»	25
«Когда, доставши до звезды...»	26
«Засуха, злая мачеха...»	27
«Спи, кузнечиков хор...»	28
«Вот в чем, а впрочем, и не в том вопрос...»	29
«Цвет вереска, чернильный блеск...»	30
«Который час? (Какая, кстати, страсть...)»	31
«Пора подумать не...»	32
«Взлетаю вверх усилием слабых плеч...»	33

«Но чем мы себя мним...»	35
«Мы верим, что умрем, мы верим, но не знаем...»	36
«Господи Исусе, Пресвятая Богородица...»	37
«А ты вообрази...»	38
«Не лань и не олень, даже не тень оленя...»	39
«Умереть – это вывернуть глобус и жить на изнанке...»	40
«О тяжесть безвоздушного паренья...»	41
«Смотри, сегодня Сена – серо...»	42
«Раствори же заснеженные веки...»	44
«Господи Боже мой...»	45
«Пламя тысячи свечей...»	46
«Плавленное золото дождя под фонарем...»	47
«Тише, выше, ближе, круче...»	48
«Облетает одуванчик, дав рожденье целой стайке...»	49
«Воздыхатели вздыхали...»	50
«Основа жизни, основанье сил...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Горбаневская

Прильпе земли душа моя Стихи (1956-2010)

*Проспали, продремали
Небесное Царство!
Прошел наш век ни за что!
Чем-то нам будет
Господу Богу подъявиться?
Чем-то нам будет
Пред Господом оправдаться?*

.....
*Уж и нонече на сем свете
Все книги сгасли;
Одна книга не угасла:
Святое Его Евангелие.
Уж и чтет эту книгу
Иван да Креститель;
Он чтет ее, а сам плачет:
«Господи, Господи!
Прости души грешные,
Многогрешные, беззаконные!»*

*Стих о трех дарах
(«Русские народные песни, собранные П. Киреевским»)*

Наталья Горбаневская. Москва, июнь 1992.

Автор Владимир Перельман.

«Огонь в печи почти погас...»

Огонь в печи почти погас,
чуть-чуть чуть-чуть трещат поленья.
Еще не пробил правды час,
еще не смыто преступление.

Еще над сонными горами
не протрубили судный день,
и в город всё идут с дарами
от обнищалых деревень.

Холодный синий дым над домом
в прозрачном воздухе стоит,
и по знакомству незнакомым
Господень ангел говорит:

Еще не смыто преступление,
еще не пробил правды час,
еще трещат в печи поленья,
хотя огонь уже угас.

«Колокола и купола...»

Колокола и купола,
и ранним-ранним утром
уходят те, кому пора
в далекую дорогу.

Колокола подвязаны,
и купола подрезаны,
и возле пристани во льду
черные лодки.

«Свело мне руки водою ледяной...»

Свело мне руки водою ледяной,
за красным солнцем, в колодце отраженным,
спускаюсь в полдень, и небо надо мной
дрожит, дрожит и кажется тяжелым.

За первым кругом откроется второй,
но я пройду их девять раз по девять,
чтоб вычерпать березовой корой,
что суждено мне в этой жизни сделать.

Летит бадейка, цепью прогремев,
и кверху подымается пустая,
моя свобода, прощальный мой припев,
колодезная песенка простая.

«Смиренно опущу глаза...»

Смиренно опущу глаза
перед чужими чудесами
на полчаса, и полчаса
стою, как мальчик под часами.

Не отведу притихший взор
от краешков своих ботинок,
в руке цветы сомну, и сор
войдет в неравный поединок

с летящим ветром, лепестки,
со мной расстаться не желая,
на тыльной стороне руки
зацепятся, как неживая

рука цепляется за то,
что ухватила перед смертью, —
за руку друга, за пальто,
за пуговицу, за бессмертье.

Так с непокрытой головой,
обсыпанная лепестками,
я срок свой получасовой
стою, как мальчик под часами.

Выстаиваю полчаса,
покрытая цветочным сором,
разглядываю чудеса
полуприкрытым сонным взором.

И, как ладошка неживая,
уже лишенная тревог,
еще лишенная свечи,
еще откинута косо,

отбывши под часами срок,
уже чудес не ожидаю,
и кто-то задает вопросы,
а кто-то шепчет мне: — Молчи.

«О жизнь моя, междометие...»

О жизнь моя, междометие,
о нечленораздельная,
о смерть моя незаметная
осеннего растения.

Что, дорывалась распятия?
Что, добивалась плахи?
Оборванная и смятая
нитка из рук у пряжи.

О пряжа Господа Бога,
священная паутинка,
растоптана и убога,
на подошве чьего ботинка?

О жизнь моя – не выговорить!
О смерть моя – ну и что?
А вы говорите, это вы говорите,
что ничто ни из чего и в ничто...

«От возраста дошкольного...»

От возраста дошкольного
до звона колокольного,
до звона погребального
от вас я не избавлена,
советчики, попутчики,
раскормленные лучники,
худые арбалетчики,
с меткою на плечике,
дьявола разведчики.

Но в звоне том, но в том году
я дымом к небесам взойду,
взойду, как дым, в небесный храм,
а вы долой, домой, к котлам,
к своим котлам, несчастный хлам.

«Сверчок поет в Сочельник...»

Сверчок поет в Сочельник,
в январский понедельник,
и звон колоколов
плывет среди сугробов,
едва-едва затронув
их краешки крылом.

Поет сверчок в Сочельник,
молчит мой гость случайный,
а звон колоколов
в глубоком снеге тонет,
в высоком небе тает,
в пространстве без углов.

Зато в углу у печки
сверчки, как человечки,
стрекочут, а кругом
и тает звон, и тонет,
но на прощанье тронет,
коснется нас крылом.

«Не сокруши меня Ты, Господи...»

Не сокруши меня Ты, Господи,
не проиграй меня в очко,
не прогони бродягой по свету
идти, не веря ни во что.

Ты, что по морю яко по суху
прошел, ступая широко,
не опусти меня без посоха
в земных страданий решето.

Ты, Боже, Сыне Человечий,
коли решил на эти плечи
ярмо с бубенчиком надеть,
не отпусти меня свободной,
не попусти в ночи холодной
душе моей заледенеть.

«Горсточку воды...»

Горсточку воды
в форточку плесну,
мокрые следы
к нецветному сну,

легких горемык
одинокый сон,
вдруг ужасный крик
изо всех окон,

изо всех дверей
пеши, на конях
девушка, еврей,
конюх и монах,

мальчик на осле,
клоун колесом,
и по всей земле
прерван тихий сон,

и со всех сторон,
изо всех окон,
как последний стон,
благовеста звон.

Изо всех окон
благовеста глас,
и со всех икон
выцветает Спас,

попроси, проси:
«Господи, спаси,
на святой Руси
мимо пронеси!»

Но иконный лик
изо всех ворот,
словно восьмерик
на восемь сторон,

словно четверик
на восьмерике,
где безглавый крик
на одном крюке,

где везде окрест,
с четырех сторон
на незримый крест
карканье ворон.

Крест-то кто-то сдал
на металлолом,
стал его металл

скошенным крылом,

белый бомбовоз
над землей кружит,
а земля без слез,
тихонько дрожит,

а земля без слез,
как побитый пес,
а по ней враскос
тень его колес.

Что́ вам нелегко?
Просто Страшный суд,
просто никого
больше не спасут,

тень его хвоста,
круче высота,
нет на вас креста,
и земля пуста.

Ветер свысока,
с напряженных скул,
горсточку песка
в форточку плеснул.

«Что навсегда? Что значит навсегда...»

Что навсегда? Что значит навсегда?

В часах античных капает вода,
в других пересыпается песок,
а мой будильник целится в висок

и пробудит – уж это навсегда —
от краткого, раскрашенного сна
меня, тебя и каждого, мой друг,
для вечности, для новых, вечных мук.

«Опять собирается вещий Олег...»

Опять собирается вещий Олег
продлить усеченный кудесником век,
себя от коня отрывая.

Но снова заплачет над черепом князь,
и выползет снова, шипя и смеясь,
змея между тем гробовая.

Так будь ты сторук и стоуст и столик,
а встретится лживый, безумный старик —
не спрашивай, право, не стоит.
Все косточки в горсточке Господа спят,
ковши круговые запенясь шипят
и шипу змеиному вторят.

«А завтра здесь не сыщешь и следа...»

А завтра здесь не сыщешь и следа
от тени, что вдоль стен за мной скользила.
Я улыбаюсь, горькая слеза,
как льдинка, на зрачке моем застыла.

Как в домике игрушечном слюда
не позволяет глянуть сквозь оконце,
так ничего нельзя прочесть с лица,
в котором прежний день уже окончен,

а новый загорится не теперь,
и след слезы не слышен и не виден,
и лишь метель раскачивает дверь,
в которую мы все когда-то выйдем.

«Возьми разбег и с полдороги...»

Возьми разбег и с полдороги
не воротись, не поверни.
Какие горькие тревоги.
Какие солнечные дни.

Какое небо! Листопадом
не захлебнись в разливе рощ,
последним юношеским взглядом
не согласишься, что мир хорош.

В полете легкого движенья,
в тени осенней тишины
да не сойдет успокоенье
в твои видения и сны.

«Приснись под утро лестничка...»

Приснись под утро лестничка,
не весть, хотя бы весточка,
хотя б нивесть о чем.
Но издалёка, с вечера,
все сны твои засвечены
негаснущим лучом.

И ты, из зоны в зону грез
замысливший побег,
что над тобою произнес
твой просвещенный век?
И чем сегодня он сверлит
покой дрожащих век?
Тебя и ночь не веселит,
не осушает слез.

Но сквозь – но сквозь бессонницу,
сквозь узкую оконницу
дано тебе пробресть,
чтоб, на решетке распятым,
увидеть в небе аспидном
не весточку, но Весть.

«Когда, коснувшись утренней звезды...»

Когда, коснувшись утренней звезды,
зажгутся белым пламенем сады,
где нет тебя, и нет, и не бывало,
когда кругом ты станешь неправа,
когда сорвутся с горьких губ слова,
но не слова, а смутный гул обвала,

когда в дрожащем зеркале реки
ты отразишь, но не свои, зрачки
и, как в разлуку, погрузишься в омут,
когда простишь и другу, и врагу,
всем, кто на этом замер берегу
и кто стремится к берегу другому,

когда, как на бегу, печаль стряхнешь,
когда придешь к тому, кто не похож,
кто не стоял у твоего порога,
тогда, но нет, еще и не тогда,
и что тогда? Затягивает мгла
грядущее...

«Когда, доставши до звезды...»

Когда, доставши до звезды,
зажгутся белые сады,
где нет тебя и не бывало,
когда кругом ты неправа,
когда сорвутся с губ слова,
но не слова, а гул обвала,

когда – но не свои – зрачки
в дрожащем зеркале реки
ты отразишь и канешь в омут,
прощая другу и врагу,
всем, кто на этом берегу
и кто отплыл уже к другому,

когда печаль с плеча стряхнешь,
придешь к тому, кто не похож,
кто не стоял под этой дверью,
тогда, но что же, что тогда?
Бог весть, затягивает мгла
грядущее...

«Засуха, злая мачеха...»

Засуха, злая мачеха
угасающего лепестка,
запах востока в пыли одуванчика,
плоские волны песка.

Засветло зачитайте, что значит
на скрижали, свисающей свысока...
Мать честная, заступница-троеручица,
смой засохшую кровь с виска.

«Спи, кузнечиков хор...»

Спи, кузнечиков хор!
Лес восходит на холм.
Бес проехал верхом.
Я не верю стихам.

Ложь, мелодия, сон.
Звон глагола времен.
Смех, признание, стон.
Что за жребий мне дан!

Слов не выпить с горсти.
Строк в тюрьму не снести.
Ни согреть, ни спасти
от властей и страстей.

Тронь струну – вся в крови.
Трень да брень оборви.
СВЕТ И СЛОВО ЛЮБВИ.
Спи, кузнечиков хор.

«Вот в чем, а впрочем, и не в том вопрос...»

Вот в чем, а впрочем, и не в том вопрос,
а просто в том, колючий, мягкий мох ли,
а ты ни в сон, ни в чох, и только охни,
когда росток сквозь позвонок пророс.

Так, прирастая к стенкам бытия,
в небытие, в траву, хвощи и стланик
ты прорастаешь, приуставший странник,
и эта пристань предпоследняя твоя

всё ярче, всё сильнее зеленеет,
покуда небо звездное бледнеет.

«Цвет вереска, чернильный блеск...»

Цвет вереска, чернильный блеск
мохнатых моховых снежинок,
букет, подброшенный под крест,
как складывалось, так сложилось,
как загадалось, так в ответ
аукнет, не на что, пожалуй,
пожаловаться, как бежалось,
так и припасть придет к траве
моей дырявой голове.

«Который час? (Какая, кстати, страсть...)»

Который час? (Какая, кстати, страсть
разрыв пространства исчислять часами,
как будто можно, как часы, украсть
часть света, что простёрта между нами...)

Который час? (Междугородный звон
меня, как трубку с рычага, срывает,
в который мир проплыть? в который сон?
в который миг нас память оставляет?)

Который час? (Кровит кирпичный Спас,
и чье же на моей крови спасенье?
и соль из глаз в селедочный баркас,
и соль земли – прости, который час? —
уже забыла привкус опреснения.)

«Пора подумать не...»

Пора подумать не
о наслаждениях плоти
и услаждением духа тоже пренебречь.

Пора накопленную горечь
пересчитать по зернышку
и в ладанку зашить.

Пора, мой друг, пора...

«Взлетаю вверх усильем слабых плеч...»

Взлетаю вверх усильем слабых плеч
и, колотя по воздуху кистями,
в туман стараюсь, в облако облечь,
что одевалось мясом и костями,
да говорят, игра не стоит свеч,
и дружескими, милыми горстями,
пока я набираю высоту,
сырая глина скачет по хребту.

Из теплых туч не выпаду росой,
и стебельком асфальт не прорасту,
смерзается дыхание густое
в колючий столб и хвалит пустоту...
Чего я стою? Ничего не стою,
но всё как на столпе, как на посту
в пыли морозной висну без опоры,
взирая слепо книзу на заборы,

на изгороди, проволоки, плетни,
на разделенье мира, на раздоры,
извечные колодца и петли
бесплодны за меня переговоры,
и, вытолкнута из-под пят земли,

я все лечу, лечу туда, где скоры
расправы и суды, где, скомкав речь,
на вечной койке разрешат прилечь.

«Но чем мы себя мним...»

Но чем мы себя мним,
когда целый мир – мним
и даже реален ли прах,
когда, отражаясь в воде,
видение, кто ты и где? —
и призрачен даже страх.

Наверное, только смирение
спасает кого-то из нас,
отдавшего смертное зренье
за трижды единственный глаз...

«Мы верим, что умрем, мы верим, но не знаем...»

Мы верим, что умрем, мы верим, но не знаем,
пока не проплеснет заря крылом сухим,
покудова на грудь горячим горностаем
не кинется печаль, взывая Элохим.

Как об косяк висок, дыханье рассечется,
а в этой трещине бесцветная, без звезд
зияет бездна... Ляг, она с тобой сочтется,
она тебе под свой расчет подгонит рост.

«Господи Исусе, Пресвятая Богородица...»

Господи Исусе, Пресвятая Богородица,
что за народец от нас народится?
Как свернутый в трубочку листок смородины,
гонимый ветром через колдобины,
через овраги и буераки,
где подвывают одни собаки.

Что за народец, что за отечество
и что за новое человечество?
Как перестоявшая, запрошлогодня,
верба вилénская, богоугодная,
верба раскрашенная, верба сухая,
песок лепестков на меня осыпая...

«А ты вообрази...»

А ты вообрази,
что там, на тех высотах,
прислушаются, кто так
расплакался в грязи.

Вообрази, что там,
на тех высотах звездных
тот плач – и хлеб и воздух
бесслезным существам.

Но не воображай,
что все снято и свято,
что тут и вся расплата
под смертный урожай.

«Не лань и не олень, даже не тень оленя...»

Не лань и не олень, даже не тень оленя,
даже не гончей тень, летящей сверх полей,
над вымерзшей стерней, сквозь мертвые селенья,
да по-над ельником. Не тень ее, не лай,

не голос, и ничей не голос – ни животный
истошный смертный крик, ни залп, ни ловчих клик,
ни нечленораздельный и немотный
мой вой. Молчишь – молчи. Как лик

столикий с образóв ни слова не проронит,
стоустый не вздохнет, стоглазый не прольет
ста слёз, и в темный лес ста голосов погони
не вышлет, и в поля ни пули не пошлет.

«Умереть – это вывернуть глобус и жить на изнанке...»

Умереть – это вывернуть глобус и жить на изнанке,
это стать антиподами пода земного и чада,
это больше не каяться и закоснеть в неосознанке,
и забыть различать, кто сестра, и любовник, и чадо.

Умереть – это просто как спичка, летящая с моста,
уплывает в Атлантику, хоть бы упала в Вилейку...
Кто не умер, еще не умеет, и всё понимает непросто,
и подносит ко рту то дырявый стакан, то худую жалейку.

«О тяжесть безвоздушного паренья...»

О тяжесть безвоздушного паренья,
о легкость угасающего плеска.
У райских врат мы обрастаем в перья,
дрожит свеча, трепещет занавеска.

О радуга дождливого терпенья,
о наледь на тропинке перелеска.
У райских врат мы отрясаем перья,
парит полуизмятая повестка
на Страшный суд, замри у райских врат,
у райского блаженства на пороге,
здесь долги сроки, колки проволóки,
как проволкой опутанный стократ
Уральских гор заморожённый клад —
легкое перышко в завьюженной берлоге.

«Смотри, сегодня Сена – серо...»

Смотри, сегодня Сена – серо-
буро-зеленая, а я,
иссиня-бледная, весенне
гляжусь в течение ея.

Когда нехватка витаминов
дрожит в слабеющей скуле
улыбочкой псевдоневинной,
скользящей ангельскою миной,
едва заметной, еле видной,
землисто-бледной половиной
Царства Господня на земле,

тогда уткни и лоб, и плечи
в перила Нового моста,
не отразься ни в том, что плещет
под ним, ни в том, что так трепещет
над нами, там, где ловчий кречет
простор сурового холста

рвет с треском. Поклянись немногим,
своим имуществом убогим,
своим истертым кошельком,
полуразвеянной подушкой,
полупровальной раскладушкой,

затоптанным половиком,

но поклянись, что этот день
в жемчужной сырости февральской,
как свою собственную тень,
до самой подворотни райской
ты донесешь, до тех сеней,
до той ни в свет, ни в цвет прихожей,
куда одни лишь души вхожи,
одни, не только что без кожи
и глаз, но даже без теней.

«Раствори же засне́женные веки...»

Раствори же засне́женные веки
в восходящем сиянии дня,
глянь-ка, около калитки
перехожие калики
стих о Божьем человеке
завели, веригами звеня.

Ты не слушай, не прислушайся – услышь,
натекла в сениях седая лужа с лыж,
не в пол-уха, в полуужасе, не в полу-
глухоте, прижав другое плотно к полу.

Переливчато накрапывает с крыш,
та и оттепель теплее, что не в пору,
ты не слушай, не прислушайся – услышь
хрипло-сладкий скрип лыжни по косогору.

«Господи Боже мой...»

Господи Боже мой,
Свете во мгле!
Мокрого крошева
в черном стекле,

мокрого месива
под колесом,
оклика бесьего
в некрепкий сон,

марева дымного
от сигарет,
друга единого,
коего нет,

зверя столицего
именем Труд —
дай нам сторицею,
пока мы тут.

«Пламя тысячи свечей...»

Пламя тысячи свечей
опрокинуто в ручей,
и ручейная Мадонна
улыбается бездомно

по дороге в Вифлеем,
обхватив живот руками,
воск шипит, вода кругами,
вем ли, Он ли, иль не вем,

но, лелеемая плоть
под лилейным шелком мышцы,
крепкой ножкой бьет Господь,
свечку надвое сломивши

в прислонившейся руке,
отразившейся в реке,
в море, в океане, в небе,
в белой соли, в черном хлебе.

«Плавленное золото дождя под фонарем...»

Плавленное золото дождя под фонарем,
явленное торжество листвы запрошлогодней,
волглой и слежавшейся, но этим январем
всемой по сквознякам околицы Господней.

Давняя стремительность подкидывает вверх,
сдавленная диафрагма щелкает наружу,
видимо, обыденный, непраздничный четверг
высвободил из подвала скованную душу.

Ставнями прихлопнешь только ящерицын хвост,
черенок надламывая, не удержишь силой
тенью раскружившийся вдоль тротуара лист.
...И становится оставленность почти что выносимой.

«Тише, выше, ближе, круче...»

Тише, выше, ближе, круче,
полегонечку дойдем
до ходячей в небе тучи,
там и выстроим свой дом.

Четко, твердо, аккуратно,
стены – воздух, небо – свод,
но внезапно, непонятно
мы запросимся обратно,
хоть бы даже безвозвратно,
в хляби глин, трясин и вод.

Потому что этот облак,
этот воздух, эта синь —
не для наших тяжких лёгких,
не для наших слабых сил.

Тише, ниже, скольже, круче,
кочки, тропочки – возврат.
А вверху над нами тучи,
отчужденны и колючи,
насылают неминуе
мелкий дождик, крупный град.

«Облетает одуванчик, дав рождение целой стайке...»

Облетает одуванчик, дав рождение целой стайке,
молодую травку нянчит прошлогодний лист опавший,
уступая место ночи, отползает день вчерашний,
молодая травка точит прошлогодний день лужайки.

И целый свет —
лишь суета сует,
и всяческая суета
всегда животвореньем занята,
смолчите «нет»
и отвечайте «да»,
и диалектика тучнеет на престоле...
Мне столько лет уже, что эта ерунда
слаба, чтоб порешить мою свободу воли.

«Воздыхатели вздыхали...»

Воздыхатели вздыхали,
кланялись поклонники,
а цветы стояли в зале,
как на подоконнике.

В белом платье, в туфлях черных,
как в системе знаковой,
чтобы кто-нибудь ученый
рюмками позвякивал.

Воздыхатели вздыхали,
поклонники плакали,
а цветы не засыхали,
как живые на поле.

В белом платье, с черным бантом,
с челюстью подвязанной,
чтоб наемным музыкантам
заработать на зиму.

Воздыхатели взлетали
легче пуха летнего,
выше Леты, над цветами,
к дню Суда последнего.

«Основа жизни, основанье сил...»

Основа жизни, основанье сил
на выживание, белая надежда
слепых очей, остатняя одежда
плечей спины и темени могил,
корявый посох, голая ладонь
на посохе, нечуткая к занозам,
и, вопреки сугробам и заносам,
путь пеший на мерцающий огонь.

Не тронь меня, пока я шевелю
губами, вычисляя расстояние
до таянья снегов, до расставанья
души и тела и пока листаю
губами теплыми снежинок стаю,
стремящуюся к вечному нулю.

Взгляну вокруг, но Имени... Шагай
и дальше вдоль по занесенным вешкам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.